

Старожилы Сибири и Аляски: язык в контексте истории

*М.Б. Бергельсон, НИУ ВШЭ,
А.А. Кибрик, ИЯ РАН,
М.К. Раскладкина, ИЯ РАН*

0. В докладе представлены результаты нашего пилотного полевого исследования этнокультурной истории старожилов северо-востока Сибири и их роли в реализации российской экспансии на восток (включая Аляску) в 18-19 веках. С одной стороны, мы рассматриваем региональные особенности русского языка старожилов как свидетельство культурно-исторических процессов, в которые были включены две группы русскоязычного населения северо-восточной Сибири. С другой стороны, мы используем эти языковые данные, сопоставляя их с нашими материалами по русскому языку на Аляске, для уточнения истории и процессов формирования русского культурного и лингвистического наследия этого региона.

1. Аляскинский русский сформировался между второй половиной 18-го – началом 19-го века на Аляске и в остаточном виде существует еще как родной язык самого старшего поколения жителей дер. Нинильчик на п-ове Кенай, Аляска. За исключением нескольких этнически русских мужчин, население Нинильчика с самого начала составляли креолы – официальное сословие людей смешанного происхождения, включенного в социально-экономическую жизнь Российско-Американской Компании. С точки зрения генетики в большинстве своем креольское население Нинильчика происходило от эскимосского народа алютиик. С другой стороны, окружающие их земли (Кенайский полуостров и в целом территория вокруг залива Кука) были населены представителями атабаскского народа денаина. В течение многих лет нинильчикский русский существовал изолированно, и на протяжении более ста лет имел очень мало контактов с другими формами русского языка. Мы исследуем нинильчикский русский как современную исчезающую инкарнацию русского языка Аляски. В нашей работе по описанию аляскинского русского мы исходим из такого способа изучения разнообразия форм одного языка, при котором жёсткие границы между региональными, социальными и контактными формами признаются необязательными.

Многие черты нинильчикского русского являются результатом контактов с местными автохтонными языками, в том числе проявившимся как билингвизм местного населения в период существования Русской Америки, а также и в последовавшие за этим несколько десятилетий. В этой связи встает вопрос и о связях аляскинского русского с теми формами русского языка, которые бытовали в Сибири, в особенности в северо-восточной Сибири.

1.1. Документация этого во многом уникального исчезающего варианта русского языка, первые попытки которой были предприняты в 1985 году (Daly 1986), проводится нами с 1997 года (Кибрик 1998, Bergelson, Kibrik 2010, 2013, 2017, Бергельсон, Кибрик, Раскладкина 2012, Bergelson, Kibrik, Leman, Raskladkina 2017). На данный момент обнаружить живое присутствие русского языка в других ареалах его еще не столь давнего обитания – пос. Нанвалек (бывшее название – Английская бухта), острова Прибылова и др. – не удается. Однако по результатам последней экспедиции авторов на Аляску летом 2019 года нам удалось зафиксировать остатки аляскинского русского на о. Кодьяк

(несколько носителей в г. Кодьяк, владеющих отличным от нинильчикского вариантом аляскинского русского), а также обнаружить недавние следы присутствия русского языка на Прибыловских островах и в средне-верхнем течении Кускоквима.

При этом один из главных магистральных вопросов описания нинильчикского варианта русского языка заключается в том, является ли он последним из «осколков» той языковой системы, которая служила *lingua franca* для Русской Америки? Был ли этот язык (диалектный континуум) общим для всех креолов Аляски, языком, фактически определившим само существование этой социокультурной группы?

Вторым важнейшим вопросом является то, в какой степени этот идиом может быть описан как диалект русского языка, учитывая разнообразие собственно диалектной базы, на основе которой он был сформирован. Это разнообразие и несводимость ни к одному из известных «традиционных» русских диалектов проявляется как на фонетическом, так и на лексическом уровне. В области сегментной фонетики имеет место собственная система фонема и правил палатализации согласных и редукции гласных, несводимая ни к одному из известных диалектов, ни – тем более – к стандартному варианту русского литературного языка. То же самое верно и для словарной системы, в которой наблюдаются как семантическое, так и морфологическое своеобразие лексики. Отдельные элементы как фонетической, так и лексической систем языка могут походить на конкретные диалекты и даже, возможно, происходить оттуда, но систематические связи такого рода в целом не могут быть установлены. Смешанной является и социолектная база данного идиома. В составленном нами словаре зафиксированы диалектные следы из разных ареалов распространения русского языка: северные *klun* ('клюв'), *nazhn'ík* ('ножны'), сибирское *shíksha* ('шикша, вороника'), северные и сибирские - *láyda* ('морская коса, берег') и *mastalíga* ('берцовая кость', 'бедро'). См. также словоформу *zabúl* (забыть.m3sgPast), что указывает на западные диалекты.

2. Тем самым ответы на эти, на первый взгляд, сугубо лингвистические вопросы тесно увязаны с историческими процессами освоения Русской Америки выходцами с континента, тем, кто они были и из каких регионов Российской империи попадали на Аляску. Центральным для нас является вопрос о том, как в этих процессах участвовали выходцы из восточной и северо-восточной Сибири. Именно поэтому летом 2019 года нами было предпринято пилотное исследование речи представителей двух групп русских старожилов, традиционно проживающих на территории Якутии: заполярной субэтнической группы русскоустыинцев (индигирщиков) и так называемых «ямщицких старожилов (якутяне, сахаляры), проживающих в районе г. Покровск (административный центр Хангаласского улуса Республики Саха (Якутия).

Сравнение языковых данных по трём группам (русскоустыинский русский, язык ямщицких старожилов, аляскинский русский) показывает лишь частичное сходство, естественно объясняемое общим русским корнем при совершенно разных путях формирования идиома.

Однако исторические данные говорят о том, что именно крестьяне-ямщики, изначально выходцы из Тобольска и других сибирских регионов, оставили свой след в истории Русской Америки. В 1895 году Покровск стал волостным центром приленских крестьян-ямщиков, объединяющим 20 станций. Но и до этого из ямщицких станций приленского, а

позже и якутско-охотского, тракта выходили многие будущие работники РАК, положившие начало креольским династиям, носителям русского языка и русской культуры на Аляске.

Такие тобольчане-ямщики, как Егор Нецветов (отец будущего священника-просветителя, автора алеутско-русского словаря Якова Нецветова), Федор Колмаков (в честь которого был назван русский редут-поселение на Кускоквиме), Михаил Панфилов (тесть основателя другой важной креольской династии Комковых) и другие русские старожилы внесли свой вклад в формирование уникального русского культурного наследия Аляски.

И если нинильчикский русский и несет на себе следы контакта с автохтонными языками Аляски (возможно, алеутскими, без сомнения, языком кадьякских эскимосов (алютик) и атабаскским языком денаина), что отражает исторические условия возникновения этого идиома, то все равно, в его лице мы, безусловно, имеем дело не с контактным языком (пиджином или креольским), а с собственно русским идиомом, образовавшимся в результате контакта с местными языками, прошедшим периоды креолизации и декреолизации и имевшим период независимого развития. Важно и то, что этот идиом существовал в исключительно устной форме, не испытывая даже косвенного влияния со стороны письменного русского языка.

По всей видимости, русский язык поселенцев Аляски, сохранившийся до наших времен в памяти и речи последнего поколения его носителей, должен быть отнесен к группе так называемых «колониальных» языков первой волны, которые в результате исторических и геополитических событий были впоследствии вытеснены языком более успешных колонизаций. Но важно помнить, что эта волна была естественным продолжением движения на восток, доминировавшего в российской региональной истории, начиная с 16-го века.